

МЕСТО ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Понимание единиц языка как совокупностей отдельных элементов¹ применимо не только к плану выражения (как, например, в фонологии), но и к плану содержания. Так, значение каждой предложно-падежной формы можно рассматривать как сложный комплекс определенного числа „единиц значения“ или семантических дифференциальных признаков, которые наиболее четко проявляются в позициях максимального противопоставления этих форм. В славянских языках позицией максимального противопоставления предложно-падежных форм является место между управляемыми формами имени существительного и наречиями. Каковы же синтаксические признаки этих последних форм, очерчивающих границу области максимального противопоставления падежей с предлогами?

Управляемые формы имени существительного (это, преимущественно беспредложные падежи) и наречия занимают разные места по отношению к глаголу: беспредложный падеж наиболее централен по отношению к нему, наречие наиболее периферийно. Остановимся подробнее на этих характеристиках.

Беспредложные падежи объекта обыкновенно связаны с определенным ограниченным кругом глаголов, образуя с последними нерасторжимые единства (*ем кашу, качая головой, учусь музыке*). Что касается именных основ, от которых образуются эти падежи, то они ничем не ограничены: каждый сильноуправляемый беспредложный падеж может образовываться от любого имени, что, собственно, и делает падежи формами склонения.

С наречием дело обстоит как раз наоборот. „Наречное образование, даже продуктивное, — пишет Ю. Р. Курилович, — обычно обладает относительно ограниченной сферой употребления [...]. Это объясняется конкретным семантическим содержанием самого наречного суффикса, природа которого исключает неограниченное употребление, охватывающее все именные основы“. „Наречие как форма словообразования и падеж как форма словоизменения различаются, главным образом, объемом сфер употребления соответствующих морфем“.² В то же время наречия не закреплены за какими-то определенными глаголами, а, наоборот, могут употребляться при большом круге глаголов или любом глаголе. Свобода употребления наречий

¹ См. об этом, например, J. Cantineau, *Le classement logique des oppositions*. Word, vol. 11, № 1, New York, 1955, стр. 3.

² Ю. Р. Курилович, *Проблема классификации падежей*, Сб. Очерки по лингвистике, М. 1962, стр. 181.

при глаголах, а также их необязательный, факультативный характер, делает эти формы наиболее периферийными по отношению к глаголу.

Предложно-падежные формы, когда они максимально противопоставлены по семантике, обладают свойствами, промежуточными между свойствами сильноуправляемого падежа и свойствами наречия. Каждая из них (за исключением КРОМЪ + род., СЪ + твор. и БЕЗЪ + род.) закреплена за определенным, более или менее широким кругом глаголов и, в то же время, не может быть образована от любой именной основы.

Однако потенциально в каждой предложно-падежной форме заложены свойства и беспредложного падежа, и наречия, так как при нейтрализации семантических противопоставлений предложно-падежные формы переходят в зоны наречий и сильноуправляемых падежей (или, иначе говоря, нейтрализация семантических противопоставлений может быть зафиксирована при переходе предложно-падежных форм в зону наречий или в зону беспредложных падежей).

Разберем предложно-падежные формы старославянского языка, обозначающие цель перемещения: КЪ + дат., ПРЪДЪ + вин., ЗА + вин., НАДЪ + вин., ПОДЪ + вин., ДО + род., ВЪ + вин., ВЪЗЪ + вин.

В позиции максимального противопоставления эти формы могут быть употреблены только при глаголах целенаправленного перемещения и образованы от именных основ, обозначающих конкретные предметы. Таким образом, при употреблении перечисленных форм в этой позиции ограничения касаются и сферы употребления глагола, и сферы употребления имени существительного, от которого образуется предложно-падежная форма.

На основании таких различительных признаков как эксклюзивность-инклюзивность все эти формы прежде всего разделим на две группы (мы не останавливаемся в настоящей статье на подробностях и доказательствах группировки форм по их семантическим различительным признакам).

1. КЪ + дат., ПРЪДЪ + вин., ЗА + вин., НАДЪ + вин., ПОДЪ + вин., ДО + род.
2. ВЪ + вин., НА + вин., ВЪЗЪ + вин.

Предложно-падежные формы первой группы, в свою очередь, могут быть разделены по признаку неуказания-указания на предельность цели перемещения:

- а) КЪ + дат., ПРЪДЪ + вин., ЗА + вин., НАДЪ + вин., ПОДЪ + вин.
- б) ДО + род.

Предложно-падежные формы группы а) разделим по признаку неуточненного-уточненного положения цели в пространстве:

КЪ + дат.

ПРЪДЪ + вин., ЗА + вин., НАДЪ + вин., ПОДЪ + вин.

Предложно-падежные формы второй группы разделим по признаку указания на объем-указания на поверхность предмета, в пределы которого направлено перемещение:

в) ВЪ + вин.

г) НА + вин., ВЪЗЪ + вин.³

³ Это противопоставление не действительно в отношении конкретных предметов, не обладающих 1. объемом, 2. четко выраженной поверхностью. В этих случаях предлоги ВЪ и НА употребляются без различий в значениях.

Формы группы г) различаются таким существенным признаком, как неупоминание-упоминание на верхний участок поверхности предмета:

НА + вин.

ВЪЗЪ + вин.

Значение цели перемещения			
Эксклюзивность		Инклюзивность	
КЪ + дат.		Указание на предельность	Указание на поверхность
Уточнение положения в пространстве	ПРЪДЪ + вин.	ДО + род.	Указание на поверхность
	ЗА + вин.		
	НАДЪ + вин.	ВЪ + вин.	НА + вин.
	ПОДЪ + вин.		ВЪЗЪ + вин.

Отношения между членами оппозиций, представленные в этой схеме, сводятся к двум типам:

1. В большинстве случаев это отношение включения⁴ или, согласно Н. С. Трубецкому, отношения между членами привативных оппозиций. Так, черты, характерные для семантики формы КЪ + дат., снова встречаются в формах ПРЪДЪ + вин., ЗА + вин., НАДЪ + вин., ПОДЪ + вин. ДО + род., но каждая из этих последних форм сверх того обладает дополнительными семантическими признаками, или уточняющими положение движущегося предмета относительно цели его движения, или указывающими на предельность цели движения. Подобным образом значение поверхности предмета как цели движения, заключенное в форме НА + вин., повторяется в форме ВЪЗЪ + вин., но к нему прибавляется здесь новый признак: значение верхнего участка поверхности.

2. В одном случае это отношение, которое Ж. Кантино называет отношением вторжения или вмешательства⁵ (значительную часть оппозиций этого типа Н. С. Трубецкой относил к числу эквиолентных). Таково отношение между формами ВЪ + вин. и НА + вин. Наряду с общим признаком (предмет как цель движения, направленного в его пределы) каждая из этих форм имеет и собственные „единицы значения“: указание на объем в одном случае и указание на поверхность — в другом.

* * *

⁴ См. J. Cantineau, *Le classement logique...*, стр. 3.

⁵ Там же, стр. 4.

Кроме позиций, в которых рассматриваемые предложно-падежные формы четко различаются, существуют и такие позиции, где их различительные признаки тускнеют и стираются, что приводит к возможности взаимной мены форм.

Как было сказано выше, есть две позиции нейтрализации: позиция наречия и позиция сильноуправляемой формы имени. Особенности „поведения“ предложно-падежных форм в этих позициях и есть главный предмет данной работы.

I

В позиции наречия рассматриваемые предложно-падежные формы выступают будучи образованными от имен существительных отвлеченного значения (в том числе отглагольных) и употребляются при обширном круге глаголов, а не только при глаголах целенаправленного движения. Значение цели перемещения при этом утрачивается, семантические различия предложно-падежных форм сглаживаются.

Этот процесс особенно наглядно проявляется в языке старославянских текстов. В их параллельных местах замечаются весьма многочисленные колебания в употреблении предложно-падежных форм, образованных от имен существительных абстрактного значения. Ниже приводятся лишь наиболее яркие примеры.

В параллельных местах отмечается взаимная мена форм ВЪ + вин. и НА + вин. Например:

НЕ ПРИДЪ ПРИЗЪВАТЬ ПРАВЕДЪНИКЪ. НЪ ГРЪШЪНИКЪИ ВЪ ПОКААНИЕ Марк II, 17, Мар., Зогр. (в Ассем. НА ПОКААНИЕ). *εις μετανοιαν*; НЕ ПРИДЪ БО ПРАВЕДЪНИКЪ ПРИЗЪВАТЬ. НЪ ГРЪШЪНИКЪИ НА ПОКААНИЕ Мат. IX, 13, Мар., Ассем. (в Савв. ВЪ ПОКААНИЕ) *εις μετανοιαν*; ТЪГДА ПРЕДАДАТЪ ВЪИ ВЪ СКРЪБЪ Мат. XXIV, 9, Мар., Ассем., Савв. (в Зогр. НА СКРЪБЪ) *εις θλιψιν*.

Как ВЪ + вин., так и НА + вин. могут чередоваться с дательным беспредложным:

І ЯЗЫКЪ МОІ ПООУЧИТЬ СЯ ПРАВЪДЪ ТВОЕІ. ВЪСЪ ДЕНЪ ВЪ ХВАЛЖ ТВОЮЖ. Син. пс. XXXIV, 28, 44 $\frac{8}{8}$ (ХВАЛЖ Пог., ПОХВАЛЪ Бух.) *θλην την ημεραν τον επαιον σου*; БЫСТЪ ИОАНЪ КРЪСТА ВЪ ПОУСТЫНИ. І ПРОПОВЪДАА КРЪШТЕНИЕ ПОКААНИЮ. ВЪ ОТЪПОУШТЕНИЕ ГРЪХОМЪ. Марк I, 4, Мар., Зогр., Ассем. (НА ПОКААНИЕ Савв.) *βαπτισμα μετανοιας*.

О нейтрализации противопоставлений в области семантики предложно-падежных форм можно составить представление и по таким примерам, в которых бок о бок употреблены разные способы передачи одного и того же значения. Например:

СЕ ЛЕЖИТЬ СЪ НА ПАДЕНИЕ И НА ВЪСТАНІЕ МЪНОГОМЪ В ИЛИ. І ВЪ ЗНАМЕНИЕ ПРЪРОЧЪНО. Лука II, 34, Мар., Зогр., Ассем. (в Савв. И ЗНАМЕНИЕ). *εις πτωσιν και αναστασιν ... εις σημειον*. Весьма характерно, что разные славянские предложно-падежные формы — ВЪ + вин. и НА + вин. — передают здесь одну и ту же греческую. Это значит, что смешение форм идет от самого старославянского языка.

Формы, обозначающие в позиции максимального противопоставления различные конкретные оттенки значения цели перемещения, в новых условиях служат для выражения чисто наречного значения абстрактно понимаемой цели. В этом значении от одного и того же имени существительного можно встретить до трех различных форм. Например:

ТРОУДИ СА ВЪ СПСНЬЕ ЧЛКОМЪ ТВАРЬ. Клоп. 10^a₃₁ *πρὸς σωτηρίαν*;
БЖЕ СИЛЬНЫ . I МИЛОСТИВЫ. СТРОИИ ВСЪ НА СПЕНИЕ РОДОУ
НАШЕМОУ. Син. евх. 25^a₂₁; ДАВЪИ НАМЪ ПРОШЕНИЪ. ВЖЕ КЪ СПЬЮ.
Син. евх. 9^b₂₂. В этих примерах имя существительное СПАСЕНИЕ
встречается в трех формах: ВЪ + вин., НА + вин. и КЪ + дат.
Трудно допустить, что эти формы различались какими-либо семантическими
оттенками.

Имя существительное СЛАВА мы отметили в формах ВЪ + вин.,
НА + вин., ЗА + вин.:

И ВЪСВКЪ АЗЫКЪ ИСПОВЪСТЪ СА... ВЪ СЛАВЖ БА ОЦА. Супр.
484₂₁ *eis*; БОЛЪЗНЬ СИ НВСТЪ НА СЪМРТЬ. НЪ НА СЛАВЖ БО-
ЖИЖ Супр. 313₄; СИ БОЛЪЗНЬ НВСТЪ НА СЪМРТЬ. НЪ ЗА СЛАВЖ
БОЖИЖ. Супр. 313₉ *ἐπέφ* + род.

Материал, который имеется в нашем распоряжении (в докладе он при-
веден лишь частично), позволяет заключить, что предложно-падежные
формы рассматриваемой группы в адвербиальном употреблении свободно
заменяли одна другую, часто в совершенно одинаковом контексте.

При этом часть рассматриваемых форм „выходит из игры“. Заметна
тенденция сохранения в адвербиальном употреблении нейтрально-негатив-
ных членов привативных оппозиций (КЪ + дат., НА + вин.); позитивные
члены сохраняются не все и употребляются редко. Члены, находящиеся
в отношениях вторжения или вмешательства, сохраняются (ВЪ + вин.
и НА + вин.).

Наблюдается функциональное сплетение нейтрализованных предложно-
падежных форм с нейтрализованным — адвербиальным — беспредложным
дательным падежом цели. Можно полагать, что это явление отражает
результаты общих процессов, происходивших в двух системах форм:
системе предложно-падежных форм и системе беспредложных падежей.

• Выбор формы в некотором количестве случаев диктуется греческим ори-
гиналом, в других же случаях не зависит от оригинала.

II

Смещение форм рассматриваемой группы наблюдается и в позиции силь-
ноуправляемого имени существительного.⁶

Так, при некоторых глаголах могут быть употреблены КЪ + дат.,
ВЪ + вин. и НА + вин. без различия в их значениях. Одновременно
те же самые глаголы могут управлять и беспредложными падежами,
которые в этом употреблении не отличаются по смыслу от названных
предложно-падежных форм.

⁶ В настоящей работе рассматривается только позиция первого или единственного
объекта.

Приглаголе ВЪРОВАТИ:*

РЕЧЕ ГЪ КЪ ВЪРОВАВЪШИМЪ КЪ НЕМОУ ИЮДЕОМЪ. Ио. VIII, 31, Ассем., Остр. (в Мар. и Зогр. КЪ ВЪРОВАВЪШИМЪ ВЪ НЪ ИЮДЕОМЪ) *πρὸς τοὺς πεπιστευκότας αὐτῷ Ἰουδαίους*; ДА ВСАКЪ ВЪРОУАИ ВЪ НЪ. НЕ ПОГЫБНЕТЪ. Ио. III, 16, Савв., Ассем. (НА НЪ Мар.) *εἰς αὐτόν*.

Отметим чередование в параллельных местах формы ВЪ + вин. и беспредложного дательного:

ТОЛИКА ЖЕ ЗНАМЕНИЪ СЪТВОРЬШОУ ЕМОУ ПРЪДЪ НИМИ. НЕ ВЪРОВААХЖ ВО НЪ. Ио. XII, 37, Мар., Ассем. (ЕМОУ Зогр.) *εἰς αὐτόν*.

С глаголом ОУПЪВАТИ наблюдаются формы КЪ + дат., ВЪ + вин., НА + вин. и творительный беспредложный:

К' ТЕБЪ ОУПЪВАХОМЪ И НЕ ПОСТЫДЪХОМЪ СА. Супр. 77²⁰; I ВЪ ИМА СТОЕ ЕГО ОУПЪВАХОМЪ. Син. пс. XXXII, 21, 40, *ἐν τῷ ὄνματι τῷ ἁγίῳ*.

Особенно частой формой при этом глаголе является НА + вин.:

ОУПЪВА НА БА. Мат. XXVII, 43, Мар. *ἐπὶ τὸν Θεόν*.

Беспредложный творительный при этом глаголе:

ОУПЪВАВЪШИМЪ СОБОУЖ. Лука, XVIII, 9, Остр. (в Мар. и Зогр. НАДЪВЪШТЕМЪ СА НА СА) *πεποιθότας ἐφ' ἑαυτοῖς*.

Большое количество глаголов управляет двумя предложно-падежными формами рассматриваемой группы. Например, при глаголе ЗРЪТИ встречаются КЪ + дат. и НА + вин.; последняя форма преобладает. Количественный перевес одной из конкурирующих форм говорит о том, что в языке идет процесс укрепления позиций какой-либо одной управляемой формы взамен нескольких форм с одинаковым значением. Естественным продолжением этого процесса является закрепление за некоторыми глаголами какой-либо одной предложно-падежной формы объекта. Например, с формой НА + вин. как единственной сильноуправляемой формой в старославянском языке связываются глаголы с общим значением действий, направленных во вред какому-либо лицу: ВРАЖЬДОВАТИ, ПРЪТИТИ, БЕЗАКОНЬНОВАТИ, ЛЖКАВЬНОВАТИ, КЛЕВЕТАТИ, ВЛАСВИМИСАТИ, ВАДИТИ и многие другие. С формой КЪ + дат. связан большой круг глаголов, имеющих приставку ПРИ-: ПРИКАСАТИ СА, ПРИОБЪШТАТИ СА, ПРИЧИТАТИ СА и другие.

В значительном количестве случаев употребление славянской формы соответствует греческому оригиналу. Вместе с тем есть и такие случаи, где славянские формы появляются вопреки оригиналу.

* * *

При знакомстве с предложно-падежными формами славянских языков ясно выделяются позиции, в которых эти формы четко различаются по

* Об управлении глагола ВЪРОВАТИ см. в книге: A. Sjöberg, *Synonymous Use of Synthetical and Analytical Rection in Old Church Slavonic Verbs*. Stockholm, 1964, 76.

своим значениям, и позиции, в которых их значения тускнеют, стираются, что приводит к употреблению нескольких разных форм для передачи одинакового смысла. Для предложно-падежных форм нам кажется возможным говорить о двух позициях, характеризующихся возможностью нейтрализации противопоставлений семантического плана: о позиции наречия и о позиции сильноуправляемой формы имени.

Нам представляется, что это явление может пролить свет на механизм самых важных процессов в сфере славянского имени существительного, в частности, на появление склонения в его современном виде. Так, можно полагать, что развитие склонения есть результат нейтрализации первоначальных чисто семантических противопоставлений в сфере беспредложных падежей. В двух системах форм имени существительного — системе беспредложных форм и системе предложно-падежных форм — проявляются, возможно, результаты однотипных изменений, но в одном случае изменения продвинулись очень далеко, вплоть до разрушения семантической системы в ее первоначальном виде, в другом же наблюдаются в начальной фазе.

